

НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ И ПОТЕНЦИАЛ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Мария Лавровна Горбунова

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*

Михаил Лаврович Горбунов

*МЦИ Волго-Вятского ГУ Банка России,
Нижний Новгород, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 21 января 2017 <i>Отправлено на редактирование:</i> 24 сентября 2018 <i>Принята к печати:</i> 5 ноября 2018</p>	<p>Аннотация: В исследовании проводится сравнение роли «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, объединяющих ведущие государства мира, в системе глобального управления на основе оценки репрезентативности и потенциала воздействия данных неформализованных межгосударственных объединений на остальные страны мира на основе сравнительного анализа ряда социально-экономических показателей стран, участвующих в данных межгосударственных инициативах клубного типа. Актуальность исследования связана с тем, что данные институты представляют собой определенный противовес ведущим формальным универсальным международным организациям, функционирующим на постоянной основе, в первую очередь ООН. Путем двухуровневой оценки консолидированности участников рассмотренных многосторонних институтов высшего уровня авторы пришли к следующим основным выводам: «Группа семи» и «Группа двадцати» обладают лучшим потенциалом реализации общих экономических проектов и инициатив; анализ связности макрорегионов принадлежности стран-участниц ведущих неформализованных объединений мира показал для большинства из них низкий общий уровень эффективного потенциала реализации совместных проектов. Таким образом, в настоящее время многосторонние институты высшего уровня являются подлинно «клубными», так как способны обеспечить лучшее совместное решение проблем инсайдеров; трехкратное увеличение количества участников при формировании «Группы двадцати» практически не приводит к росту географии воздействия неформализованных институтов на остальные страны; группа БРИКС обладает наименьшим потенциалом эффективной реализации совместных инициатив из-за того, что уровень консолидированности участников объединения менее 10%, и только КНР принадлежит к хорошо экономически связанной Восточной Азии; Бразилия, Россия и ЮАР являются лидерами перспективных макрорегионов с уровнем связности более 15%.</p>
<p>Об авторах: <i>Горбунова М.Л.</i>, д.э.н., доцент, заведующий кафедрой мировой экономики и региональных рынков, Институт экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского e-mail: gorbunova@iee.unn.ru <i>Горбунов М.Л.</i>, заместитель начальника отдела сопровождения учетно-операционной системы МЦИ Волго-Вятского ГУ Банка России e-mail: 22gorbunovml@cbr.ru</p>	
<p>Ключевые слова: многосторонние институты высшего уровня; БРИКС; Группа семи; Группа двадцати; макрорегионы; экономическая консолидированность (связность)</p>	

Введение

Кризисные явления мировой экономики приобрели подлинно глобальный характер в том смысле, что ставят вопрос о необходимости эффективного объединения усилий многих стран мира для поиска решений возникающих проблем. Очевидно, что существующая система международных организаций: универсальных как ООН и относительно специализированных как ГАТТ (неудачная попытка основания Международной торговой организации, трансформировавшаяся в 1990-гг. в ВТО) и МВФ – принципы функционирования которых заложены еще в 40-50-е гг. – не отвечает турбулентной динамике современных политических, социальных и экономических отношений между странами. Одной из относительно недавних тенденций трансформации системы международных отношений является распространение неформализованных структур, объединяющих ведущие страны мира, в первую очередь речь идет о БРИКС и «Группе двадцати», являющихся аналогами созданной в кризисные 70-е гг. «Группы семи/восьми»¹.

Первые шаги данных институций ставят много исследовательских задач: о выявлении особенностей и анализе устойчивости механизма функционирования объединений, их возможной интеграции и взаимодействии с существующими международными организациями; уровне эффективности с точки зрения решения глобальных проблем, их инклюзивности и репрезентативности.

Основная цель исследования состоит в оценке потенциала воздействия рассматриваемых групп стран на остальной мир, поскольку эти неформализованные объединения во многом созданы для решения глобальных экономических проблем в режиме *ad hoc*, и, по мнению их идеологов, должны обеспечивать большую скорость и эффективность принятия решений, чем традиционные бюрократизированные международные формальные институты.

Для достижения поставленной цели авторы статьи полагают целесообразным про-

вести оценку внутренней и внешней консолидированности объединений, перенося на исследование межгосударственных определений клубного типа методологию, типичную для изучения процессов региональной межстрановой интеграции. Предполагается, что высокая степень экономической связности (*connectivity*) положительно коррелирует с возможностями реализации общей модели развития в рамках объединений, что в контексте многосторонних институтов высшего уровня означает возможность дальнейшей трансляции и имплементации согласованных и публично заявленных антикризисных инициатив другими странами. При этом внутренняя консолидированность, по мнению авторов, определяет возможность выработки единой модели развития в рамках объединений, в то время как внешняя – позволяет транслировать управляющее воздействие на третьи страны.

Многосторонние институты высшего уровня: подходы к оценке роли в современной системе международных отношений

Механизмы функционирования неформализованных межгосударственных объединений ведущих стран мира, основанных на периодических встречах (саммитах) их лидеров, сходны между собой. Сравнительно недавно начавшийся генезис «Группы двадцати» и БРИКС – неформализованных структур, объединяющих ведущие страны мира – обусловлен, прежде всего, необходимостью включения стран с развивающимися рынками (*emerging markets*) в механизм решения глобальных экономических проблем и принятия антикризисных решений. По мнению В.В. Пановой², как и 1970-е годы (период, когда была создана «Группа семи»), современный этап характеризуется затяжным мно-

² Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109. [Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mehanizmov»: Gruppy semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of "Club Arrangements": The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.]

¹ Далее в тексте и расчетах авторы полагают использовать в отношении данного объединения название «Группа семи».

гофазовым кризисом в сфере экономики и валютно-финансового регулирования. Кроме этого, показательно, что создание «Группы двадцати» инициировано «Группой семи», в то время как саммиты БРИКС начали проводиться в период участия лидеров Российской Федерации во встречах руководителей развитых стран – «Группе восьми». Таким образом, имеет место прямая репликация клубного формата взаимодействия ведущих стран мира. Другой причиной формирования

рассматриваемых объединений является то, что существующая система международных организаций характеризуется и критикуется за излишнюю бюрократизацию, низкую эффективность и медлительность в принятии решений, которые в определенном смысле стали жертвой репрезентативности и формализации процедур выработки консенсуса. Сопоставление базовых параметров многосторонних институтов высшего уровня представлено в *Таблице 1*.

Таблица 1

Общая характеристика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС

Группа стран	Дата первого саммита	Участники (в алфавитном порядке)	Цели объединения
«Группа семи» (с 2002 г. по 2014 г. существовала в формате «Группы восьми» с участием РФ)	1975 г. (возникла как «Группа шести», с 1976 г. включает Канаду)	Германия, ЕС, Италия, Канада, Соединенное Королевство, США, Франция, Япония	Обмен мнениями о ситуации в мировой экономике, общих экономических проблемах, их гуманитарных, политических и социальных последствиях и планах по их преодолению, активизация усилий для более тесного международного сотрудничества и конструктивного диалога между всеми странами, преодолев различия в уровнях экономического развития, степени обеспеченности ресурсами и политических и социальных системах
«Группа двадцати» (идея возникла в рамках саммита «Группы семи» в Кельне)	1999 г., первый официальный саммит состоялся в 2008 г.	Австралия, Аргентина, Бразилия, Германия, ЕС, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Республика Корея, Россия, Саудовская Аравия, Соединенное Королевство, США, Турция, Франция, Южно-Африканская Республика, Япония	Международная кооперация по финансовым и экономическим вопросам
БРИКС	2009	Бразилия, Индия, Китай, Россия, Южно-Африканская Республика	Развитие последовательного, активного, прагматичного, открытого и транспарентного диалога и сотрудничества, которые служат не только общим интересам стран с формирующимися рыночными экономиками и развивающихся стран, но и строительству гармоничного мира, в котором были бы обеспечены прочный мир и общее процветание***

* Декларация первого саммита «Группы шести» (Франция, Рамбуйе, 1975 г.). Режим доступа: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/1975rambouillet/communiqu.html>

** Официальный сайт «Группы двадцати». Режим доступа: https://www.g20.org/Webs/G20/EN/G20/FAQs/faq_node.html

*** Декларация первого саммита БРИКС (Россия, Екатеринбург, 2009 г.) / Национальный комитет по исследованию БРИКС. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>

Table 1. General characteristics of the «Group of Seven», «G20» and BRICS

Источник: составлено авторами на основе деклараций «Группы семи», БРИКС и сайта «Группы двадцати»

Указанные объединения ведущих стран мира получили название «многосторонних институтов высшего уровня»,

которые «характеризуются ограниченным членством, относительно низким уровнем бюрократии, гибкостью форматов взаимо-

действия, опорой на принципы консенсуса в принятии решений и добровольности их исполнения»³. Основу их функционирования составляют саммиты – «регулярные встречи глав государств и правительств, направленные на координацию позиций по широкому кругу вопросов международной, региональной и национальной политики, в рамках которых происходят формирование перечня коллективных действий, выработка общих решений, подразумевающих принятие определенных обязательств в целях реализации глобального управления и решения задач политического управления на национальном уровне»⁴.

В существующей системе неформализованных организаций существуют не только институты глобального уровня: «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС – но и регионального – форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), Лига арабских государств (ЛАГ) и др. Такие образования возникают на основе базового взаимопонимания среди нескольких государств, далее на основе общих принципов и правил появляются форматы взаимодействия, отличающиеся низкой правовой и организационной закрепленностью; затем, по мере развития, механизмы отношений приобретают более институциональный (формализованный) характер – создаются специфические нормы по отдельным направлениям взаимодействия⁵.

М. Ревизорский полагает, что в совокупности рассматриваемая группа глобальных многосторонних институтов: «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС – формируют триаду сетевого типа, объединяющую представителей западного и незападного мира⁶, которая в рамках концепции «супертриады экономического управления» приходит на смену традиционным системам: «экономической триаде» (США – ЕС – Япония) и «институциональной триаде» (МВФ – Всемирный банк – ВТО). В таком контексте БРИКС является полюсом триады, уравновешивающим «Группу семи/восьми», и поэтому свидетельствует о том, что отношения рассматриваемой группы стран с лидерами развитого мира могут осуществляться не только в режиме кооперации, но и в рамках противодействия прозападной модели глобального управления и сопровождаться системными противостояниями и конфликтами, порождаемыми ее несоответствием распределению сил в мировой экономике и неэффективностью.

Все эти структуры – «Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС – имеют общую логику построения и функционируют на основе сходных принципов неформального характера. По мнению Джона Киртона, существует шесть условий успешного функционирования многосторонних неформализованных межгосударственных институтов высшего уровня:

– относительное равенство участников и их потенциалов;

razvitiya BRIKS posle sammita v Fortaleze: politiko-jekonomicheskoe polozhenie stran-uchastnic (Prospects for the Development after the BRICS Fortaleza's Summit: Political and Economic Situation in the Member Countries) // *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj Vestnik*, 2014, No. 46, pp. 226-258.]

⁶ Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // *Вестник международных организаций*. – 2015. – Т. 10 (4). – С. 29-48. [Revizorskij, M. «Gruppa semi/vos'mi» – «Gruppa dvadcati» – BRIKS: novaja triada v global'nom upravlenii? («Group of Seven / Eight» – «Group of Twenty» – the BRICS: New Triad in Global Governance?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 29-48.]

³ Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В. Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2016. – Т. 11. № 3. – С. 99-131. [Larionova, M.V.; Rahmangulov, M.R.; Shelepov, A.V. Chto vlijaet na ispolnenie objazatel'stv «Gruppy dvadcati» i BRIKS: sravnitel'nyj analiz (What Affects the Performance Obligations taken by «Group of Twenty» and the BRICS: A Comparative Analysis) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (3), pp. 99-131.]

⁴ Ibid.

⁵ Гиакagliни Ф.Д.В. Перспективы развития БРИКС после саммита в Форталезе: политико-экономическое положение стран-участниц // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2014. – № 46. – С. 226-258. [Giakaglini, F.D.V. Perspektivy

- ограниченное участие;
- общие принципы;
- твердый политический контроль;
- осознание взаимозависимости и общей уязвимости в условиях глобализации⁷.

На основе этой совокупности условий довольно сложно сравнивать потенциал успешности рассматриваемых неформальных объединений стран, так как «Группа двадцати» выглядит более сбалансированной по составу участников по сравнению с «Группой семи» и БРИКС, в которых доминируют США и КНР. В то же время «Группа двадцати» выглядит более разнородной с точки зрения разделяемых участниками ценностей и принципов, заложенных в политические культуры и экономические институты.

Итогом обзора теории многосторонних институтов высшего уровня, выполненного М.В. Ларионовой в работе «Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления», является вывод о том, что неформализованные межгосударственные многосторонние институты высшего уровня используют три формы участия в существующей системе глобального управления: «каталитическое воздействие» (стимулирование или поддержка изменений и реформирования международных организаций), «стержневое (определяющее) влияние на существующую систему» (определение нового направления действий для других организаций) и «параллельное управление» (создания собственных механизмов)⁸. По мнению авторов, поскольку многосторонние

институты высшего уровня представляют ведущие страны мира, существует и четвертый способ воздействия, подразумевающий, что лидеры прямо или косвенно транслируют принятые решения с глобального уровня на региональный. Это также подтверждается мнением А.Д. Воскресенского о том, что региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные, а региональное понимание мировых процессов может выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным⁹. В условиях кризиса и необходимости структурных преобразований мировой экономики в аналитический контекст возвращается идея развивающего регионализма, политики экономической кооперации, координации и интеграции между странами, направленной на ускорение темпов развития как самих участников, так и географического региона их принадлежности в целом¹⁰. Данный механизм вмешательства в экономику основан на предположении, что стран-соседи, обладая общей региональной идентичностью, помогая друг другу, смогут достигнуть более высоких темпов развития, чем действуя по отдельности¹¹. С точки зрения развития данного предположения, представляет исследовательский интерес сравнение возможностей эффективного участия рассматриваемой триады неформализованных многосторонних (межгосударственных) инициатив в глобальном управлении за счет воздействия на макрорегионы их стран-участниц.

⁷ Kirton, J. Canadian Foreign Policy in a Changing World. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

⁸ Ларионова М. В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. № 1. – С. 126-152. [Larionova M.V. Ocenka jeffektivnosti vzaimodejstvija mezhdunarodnyh institutov v processe global'nogo upravlenija (Evaluation of the Efficiency of Interaction of International Institutions in the Process of Global Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (1), pp. 126-152.]

⁹ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 2 (8). – С. 30-58. [Voskressenski, A.D. *Koncepcii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah* (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Systems and Regional Transformations in Contemporary International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 2 (8), pp. 30-58.]

¹⁰ Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol. 10, Iss.2, pp. 138-162.

¹¹ Ibid.

Существуют определенные отличия в изучении каждой из неформализованных групп, несмотря на принципиальное сходство аспектов их целеполагания и организации. «Группа семи» сформировалась в 1970-е гг. и в настоящее время исследуется незначительно, главным образом в привязке к «Группе двадцати». В работах подчёркивается преемственность и взаимосвязанность институций в решении глобальных финансово-экономических проблем¹²: таким образом, косвенно поставлен вопрос о недостаточной репрезентативности «Группы семи» в контексте глобального управления. Кроме того, К. Энгельбрект¹³ указывает, что в период участия России в группе – существования в формате «Группы восьми» – к сугубо экономической повестке добавились вопросы обеспечения нетрадиционной безопасности, среди которых – терроризм, контрабанда оружия, торговля наркотиками и др.¹⁴, и эта неэкономическая проблематика вошла в повестку «Группы двадцати».

В отношении «Группы двадцати» наиболее часто изучаются ее возможности в сфере противодействия кризисным явлениям в мировом хозяйстве. В частности, А. Бенасси-Кер,

Р. Кумар, Дж. Пизани-Ферри, Дж. Фриден, Д. Винес¹⁵ подчеркивают, что возникновение «Группы двадцати» тесно связано с глобальными внешними дисбалансами, возникшими между развитыми и развивающимися странами в торгово-инвестиционных отношениях, преодоление которых не может быть достигнуто самостоятельно развитыми странами в рамках существующей мировой финансовой системы. Турецкие исследователи С. Текер и А.Х. Юксель¹⁶, обобщая массив исследований по «Группе двадцати», делают вывод о том, что несмотря на значительную репрезентативность «Группы двадцати» в терминах мирового ВВП, существуют риски неэффективности исполнения обязательств, зафиксированных в коммюнике группы, обусловленные изначальной ориентацией на решение проблемы развитых стран, которые и создали данное образование в своих интересах.

Особенностями работ, посвященных БРИКС, является то, что данная группа стран исследуется в первую очередь с геополитических позиций – как блок, объединяющий новые или восходящие мировые сверхдержавы¹⁷, причем устойчивость данной неформальной институции *a priori* подвергается сомнению. Многие авторы, сравнивая экономические и политические характеристики участников данной группы, обращают внимание на неоднородность и противо-

¹² Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292; Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556; Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol. 29, Iss.1, pp. 1-24.

¹³ Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

¹⁴ Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительное региональной перспективы // *Сравнительная политика*. – 2011. – Т. 2. № 4 (6). – С. 109-123. [Trivedi, R. Netradicionnye ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii s točki zrenija sravnitel'noe regional'noj perspektivy (Non-traditional Security Threats in Central Asia from the Point of View of a Comparative Regional Perspective) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 2. No. 4 (6), pp. 109-123.]

¹⁵ Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

¹⁶ Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? *Procedia Economics and Finance* 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

¹⁷ Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A future global economy to be built by BRICs // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp. 47-66; Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / *Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches'*, ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

речивость интересов взаимодействующих стран, что потенциально создает проблемы функционирования института. В некоторых исследованиях подчёркивается альтернативность идей БРИКС существующим принципам миропорядка прозападного толка. Так, У. Робинсон указывает на особую модель капитализма стран БРИКС, опирающуюся на сильное государственное участие¹⁸, в то время как Ф. Мельничук подчеркивает их общую ценностную ориентированность на развивающую-многополярную повестку системы глобального управления¹⁹. Дж. И. С. Ченг прямо указывает на политическую, а не только финансово-экономическую ориентированность БРИКС, отличающую данное объединение от «Группы двадцати»²⁰, в повестке которой неэкономическая повестка в настоящее время слабо акцентирована.

Для целей данного исследования показателны работы Х.Ф. Ченга, М. Гутierrez, И. Шачмурова и М. Шароки и Дж. Вилсона²¹, в которых впервые при анализе многостороннего института высшего уровня появляется проблематика влияния и взаимодействия подобных образований на не участвующие страны, которые представляют «остальной мир». В работе Х.Ф. Ченга, М. Гутierrez, И. Шачмурова и М. Шароки²² общие экономические и деловые показатели БРИК сравниваются не только друг с другом, но и аналогичными средними показателями региона принадлежности страны, при этом примечательно, что страны-участницы

данной группы не во всем являются лидерами своих регионов. Данные выводы косвенно ставят под сомнение целесообразность и уместность влияния стран БРИК на соседние государства. Дж. Д. Вилсон²³ указывает стремление данной группы стран к ресурсной дипломатии, что при неблагоприятной конъюнктуре рынков сырья может превратиться из силы в слабость.

В ходе сравнительного анализа рассматриваемых многосторонних институтов высшего уровня традиционно сопоставляется мощь на основе оценки их политического – исследования А.В. Виноградова, Л. Сина, Р.С. Чукова, Л.М. Джакобса и Р. Ван Россема²⁴ – и экономического потенциала – работы Е.М. Астахова, Е.В. Колдуновой, Я.В. Лексютинной, В.В. Пановой, Г.Д. Толорая и Р.С. Чукова²⁵ – чаще всего

²³ Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

²⁴ Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 47-52. [Vinogradov, A.V. Dialogovyj format BRICS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira (The Interactive Format of BRICS and its Role in the Multipolar World Formation) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. № 1 (14). pp. 47-52.]; Ли Син. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 1 (7). – С. 23-27. [Li Xing, L. Usilenie roli G20: transformacija mirovogo porjadka i vnesnjaja politika Kitaja (Strengthening the Role of the G20: The Transformation of the World Order and China's Foreign Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 1 (7), pp. 23-27.]; Чуков Р.С. Перспективы глобальной институционализации в мировой политике: пример G7 и G20 // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 21-25. [Chukov, R.S. Perspektivy global'noj institucionalizacii v mirovoj politike: primer G7 i G20 (Prospects for the Global Institutionalization of World Politics: the Example of the G7 and the G20) // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, No. 5, pp. 21-25.]; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICS as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

²⁵ Астахов Е.М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 42-50. [Astahov, E.M. BRICS:

¹⁸ Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

¹⁹ Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

²⁰ Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICS // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

²¹ Ibid; Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

²² Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICS // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

«Группы семи» и БРИКС, сопоставимых по численности.

Авторам представляется интересной исследовательская гипотеза Р. Такура²⁶, который прямо ставит вопрос о том, насколько репрезентативны страны БРИКС как представители Глобального Юга. Оценивая абсолютные показатели социально-

perspektivy razvitija (BRICS: Developmental Prospects) // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2016, No. 1 (46), pp. 42-50.]; Колдунова Е.В. Роль стран БРИКС в глобальном управлении // *Сравнительная политика*. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 60-64. [Koldunova, E.V. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii (The Role of the BRICS in the Global Governance) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. No. 1 (14), pp. 60-64.]; Лексютина Я.В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. – 2014. – Т. 10. № 1. – С. 113-125. [Leksjutina, Ja.V. Rol' BRIKS v stimulirovanii paradigmat'nogo sdviga v global'nom jekonomicheskom upravlenii (The Role of the BRICS in Stimulating the Paradigm Shift in Global Economic Governance) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS*, 2014, Vol. 10 (1), pp. 113-125.]; Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // *Международные процессы*. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109. [Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mehanizmov»: Gruppy semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of “Club Arrangements”: The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.]; Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2016. – Т. 11. № 2. – С. 97-112. [Toloraja, G.D.; Chukov, R.S. Rasschityvat' li na BRIKS? (Should We Trust in the BRICS?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (2), pp. 97-112.]; Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp. 47-66.; Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / *Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches'*, ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

²⁶ Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

экономического развития (население, ВВП, ВВП на душу населения, внешнюю торговлю товарам и услугами, средние темпы роста) и военной мощи (численность вооруженных сил и величина оборонных расходов), а также положение стран в рейтинге по указанным параметрам, исследователь не приходит к однозначному ответу на поставленный им вопрос. С одной стороны, страны БРИКС не являются репрезентативными представителями развивающегося мира, в первую очередь из-за значительного масштаба их экономического и военного потенциала, а также более высокого уровня развития. Кроме того, они внутренне разнородны. С другой стороны – их объединяет довольно сильное единство на внешнеполитической арене, если судить, например, по голосованию в ООН и наличию общего интереса в реформировании системы глобального экономического управления²⁷.

В данном исследовании предполагается развивать идею репрезентативности не в экономическом, а в географическом смысле на основе оценки регионального потенциала влияния ведущих стран мира, чьи неформальные саммиты направлены, главным образом, на решение первоочередных, наиболее острых глобальных хозяйственных проблем.

Оценка внутренней и внешней консолидированности многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников

Методология исследования. В ходе исследования был применен комплексный сравнительный анализ многосторонних институтов высшего уровня, главным образом на базе статистических показателей, используемых для характеристики интеграционных объединений. Во многих исследованиях эффективности функционирования многосторонних институтов высшего уровня применяются подходы, характерные для оценки интеграции – так, например, Е.А. Сидорова и О. Штункель²⁸ оценивают торговую зави-

²⁷ Ibid.

²⁸ Сидорова Е.А. Интеграционно-инвестиционный потенциал БРИКС // *Мир экономики и управле-*

Макрорегионы «Группы семи»,
«Группы двадцати» и БРИКС

Страна(-ы)- участницы группы	Макрорегион	Другие участники
Группа семи		
Германия, Франция	Западная Европа	Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швейцария
Италия	Южная Европа	Албания, Андорра, Босния и Герцеговина, Хорватия, Гибралтар, Греция, Ватикан, Мальта, Черногория, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Словения, Испания, Бывшая Югославская Республика Македония
Канада, США	Северная Америка	Бермудские острова, Гренландия, Сен-Пьер и Микелон
Соединенное Королевство	Северная Европа	Аландские острова, Нормандские острова, Дания, Эстония, Фарерские острова, Финляндия, остров Гернси, Исландия, Ирландия, остров Мэн, остров Джерси, Латвия, Литва, Норвегия, остров Сарк, острова Шпицберген и Ян-Майен, Швеция
Япония	Восточная Азия	Китай, Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Группа двадцати		
Австралия, Новая Зеландия	Австралия и Новая Зеландия (Океания)	Норфолкские острова
Аргентина, Бразилия	Южная Америка	Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор, Фолклендские (Мальвинские) острова, Французская Гвиана, Гайана, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Венесуэла
Германия, Франция	Западная Европа	Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Швейцария
Индия	Южная Азия	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Иран, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Шри-Ланка
Индонезия	Юго-Восточная Азия	Бруней-Даруссалам, Камбоджа, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор, Вьетнам
Италия	Южная Европа	Албания, Андорра, Босния и Герцеговина, Хорватия, Гибралтар, Греция, Ватикан, Мальта, Черногория, Португалия, Сан-Марино, Сербия, Словения, Испания, бывшая югославская Республика Македония
Канада, США	Северная Америка	Бермудские острова, Гренландия, Сен-Пьер и Микелон
Китай, Республика Корея, Япония	Восточная Азия	Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Мексика	Центральная Америка	Белиз, Коста-Рика, Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа, Панама
Россия	Восточная Европа	Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Молдова, Румыния, Словакия, Украина
Саудовская Аравия, Турция	Западная Азия	Армения, Азербайджан, Бахрейн, Кипр, Грузия, Ирак, Израиль, Иордания, Кувейт, Ливан, Оман, Катар, Государство Палестина, Сирийская Арабская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен
Соединенное Королевство	Северная Европа	Аландские острова, Нормандские острова, Дания, Эстония, Фарерские острова, Финляндия, остров Гернси, Исландия, Ирландия, остров Мэн, остров Джерси, Латвия, Литва, Норвегия, остров Сарк, острова Шпицберген и Ян-Майен, Швеция
Южно-Африканская Республика	Южная Африка	Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд

Страна(-ы)- участницы группы	Макрорегион	Другие участники
БРИКС		
Бразилия	Южная Америка	Боливия, Чили, Колумбия, Эквадор, Фолклендские (Мальвинские) острова, Французская Гвиана, Гайана, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Венесуэла
Индия	Южная Азия	Афганистан, Бангладеш, Бутан, Иран, Мальдивские острова, Непал, Пакистан, Шри-Ланка
Китай	Восточная Азия	Гонконг (специальный административный район Китая), Макао (специальный административный район Китая), Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Республика Корея
Россия	Восточная Европа	Беларусь, Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Молдова, Румыния, Словакия, Украина
Южно-Африканская Республика	Южная Африка	Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд

Table 2. G7, G20 and BRICS Macroregions

Источник: составлено авторами на основе классификации ООН*

* Состав макрогеографических (континентальных) регионов, географических субрегионов и других экономических и прочих групп стран. *Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings.*

симось БРИКС. Для сравнения многосторонних неформализованных объединений авторы дополняют подход, использованный в работе Л.З. Зевина²⁹, опирающийся, с одной стороны, на базовые показатели репрезентативности рассматриваемых групп стран – доли в мировом населении и ВВП, а с другой – на измерение уровня консолидированности (связанности) или экономической «плотности» (*connectivity*) территории, измеряемой как отношение межстранового экспорта группы к общему объему вывоза. Показатель рассчитывается как для непосредственных участников многосторонних институтов высшего уровня, так и для макрорегионов, к которым они принадлежат.

Таким образом, объектом исследования являются как группы стран, формирующих многосторонние институты высшего уровня,

так и макрорегионы их принадлежности в соответствии с классификацией ООН³⁰ (См. Табл. 2).

Базовая статистическая оценка репрезентативности многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников на основе общих демографических и экономических показателей представлена в Табл. 3 и Табл. 4.

ния. – 2016. – Т. 16. №2. – С. 111-122. [Sidorova, E.A. Integracionno-investicionnyj potencial BRIKS (The BRICS Integration and Investment Potential) // *Mir jekonomiki i upravlenija*, 2016, Vol. 16 (2), pp. 111-122.]; Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

²⁹ Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – Т. 60. № 8. – С. 26-33. [Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushhemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.]

³⁰ Состав макрогеографических (континентальных) регионов, географических субрегионов и других экономических и прочих групп стран. *Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings.* Mode of access: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm>

Таблица 3

Динамика «Группы семи»,
«Группы двадцати» и БРИКС в населении мира, %

Группа стран	Участников				С учетом макрорегионов			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	11,43	11,05	10,69	10,32	35,97	34,83	33,67	32,48
Группа двадцати	63,62	62,80	61,85	60,82	85,08	84,30	83,35	82,29
БРИКС	43,98	43,52	42,87	42,16	59,28	58,64	57,79	56,93

Table 3. Dynamics of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS in the World's Population, %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка
(World Data Bank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>),
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 4

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в мировом ВВП (по ППС), %

Группа стран	Участников				С учетом макрорегионов			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	44,40	40,53	34,41	31,31	61,07	59,35	56,55	55,73
Группа двадцати	73,24	72,69	72,42	73,15	93,80	93,43	93,10	91,35
БРИКС	18,46	21,93	27,60	31,34	35,21	38,06	42,85	43,66

Table 4. Dynamics of the G7, G20 and BRICS in Global GDP (PPP), %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка
(World Data Bank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org>),
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Очевидно, что из рассматриваемых многосторонних институтов высшего уровня наибольший удельный вес в мировой экономике и мировом населении характеризует «Группу двадцати», что связано с большим количеством участвующих стран. По мнению авторов, показательно то, что для «Группы семи» и «Группы двадцати» характерно преобладание экономического потенциала над демографическим, в странах БРИКС – наблюдается противоположная ситуация. Ожидается, что удельный вес в мировой экономике и мировом населении участников «Группы семи» и макрорегионов, к которым они принадлежат, сокращается, хотя темп сокращения замедлился, в первую очередь из-за того, что в Восточную Азию – макрорегион принадлежности Японии – входит Китай. В этом смысле участники и макрорегионы, относящиеся к БРИКС, демонстрируют противоположную динамику – рост удельного веса при замедлении его темпов. Скорее всего, именно с этими противоположными трендами связана устойчивая, с тенденцией к небольшому сокращению, динамика рассматриваемых социально-экономических показателей «Группы двадцати».

В Таблице 5 дана оценка консолидированности участников многосторонних институтов высшего уровня. Превышение объединением стран порогового значения связанности в 25% означает заинтересованность стран в поддержании и развитии стабильных отношений³¹. По данному показателю, «Группа семи» и «Группа двадцати» обладают потенциалом реализации совместных, пусть и не обязательных к исполнению инициатив. Уровень консолидированности группы БРИКС находится на низком уровне, хотя демонстрирует скорее положительную динамику.

В Таблице 6 представлены расчеты уровня консолидированности (экономической «плотности») макрорегионов принадлежности стран-участниц многосторонних неформализованных объединений.

³¹ Зевин Л.З. Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. № 8. – С. 26-33. [Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushhemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.]

Таблица 5

**Уровень консолидированности непосредственных участников
«Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, %**

Многосторонний институт высшего уровня	2000	2005	2010	2015
Группа семи	48,02	43,14	36,68	37,56
Группа двадцати	65,66	62,72	61,42	62,78
БРИКС	3,54	5,35	8,26	7,54

Table 5. The level of Consolidation of the Direct Participants of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS, %
Источник: расчеты авторов по Базе данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database).
Режим доступа: <https://comtrade.un.org/>, с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 6

**Уровень консолидированности макрорегионов принадлежности участников
«Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС, %**

Макрорегион	Страна(-ы)-участники группы	2000	2005	2010	2015
Группа семи					
Западная Европа	Германия, Франция	39,21	37,89	37,77	34,17
Южная Европа	Италия	16,49	18,43	17,63	15,61
Северная Америка	Канада, США	39,57	40,64	32,39	31,06
Северная Европа	Соединенное Королевство	22,20	22,96	22,64	20,04
Восточная Азия	Япония	29,27	34,39	33,48	32,52
Группа двадцати					
Австралия и Новая Зеландия (Океания)	Австралия	8,44	9,01	5,96	5,45
Южная Америка	Аргентина, Бразилия	22,53	18,26	19,52	19,85
Западная Европа	Германия, Франция	39,21	37,89	37,77	34,17
Южная Азия	Индия	2,91	5,37	5,75	7,33
Юго-Восточная Азия	Индонезия	22,98	25,11	25,12	24,13
Южная Европа	Италия	16,49	18,43	17,63	15,61
Северная Америка	Канада, США	39,57	40,64	32,39	31,06
Восточная Азия	Китай, Республика Корея, Япония	29,27	34,39	33,48	32,52
Центральная Америка	Мексика	2,84	3,48	4,41	3,92
Восточная Европа	Россия	21,28	21,59	22,18	19,63
Западная Азия	Саудовская Аравия, Турция	5,58	19,63	9,18	10,97
Северная Европа	Соединенное Королевство	22,20	22,96	22,64	20,04
Южная Африка*	Южно-Африканская Республика	3,65	3,04	14,73	15,25
БРИКС					
Южная Америка	Бразилия	22,53	18,26	19,52	19,85
Южная Азия	Индия	2,91	5,37	5,75	7,33
Восточная Азия	Китай	29,27	34,39	33,48	32,52
Восточная Европа	Россия	21,28	21,59	22,18	19,63
Южная Африка	Южно-Африканская Республика	3,65	3,04	14,73	15,25

* Здесь и далее в базе данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database) отсутствуют данные по экспорту ЮАР в регион в 2000 и 2005 году.

Table 6. The Level of Consolidation of Macroregions of the Membership of the G7, G20 and BRICS Members, %
Источник: расчеты авторов по данным База данных торговой статистики ООН (UN Comtrade Database). Режим доступа: <https://comtrade.un.org/>
с учетом пропусков данных по отдельным странам

Исходя из проведенных расчетов, потенциалом развивающегося регионализма, понимаемого в данном случае, как механизм,

позволяющий транслировать инициативы с глобального уровня на региональный об- ладают: в «Группе семи»: Западная Евро-

па (представители – Германия и Франция), Северная Америка (представители – США и Канада), Восточная Азия (Япония); в «Группе двадцати»: Западная Европа, Северная Америка, Восточная Азия (представители – Китай вместе со специальными административными районами Гонконгом и Макао и Япония), Юго-Восточная Азия (представитель – Индонезия); в БРИКС: Восточная Азия (представитель – КНР и ее специальные административные районы Гонконг и Макао). В *Таблице 7* и *Таблице 8* представлены показатели удельного веса макрорегионов принадлежности участников

многосторонних институтов высшего уровня после корректировки на оценку связанности, проведенной в исследовании.

По итогам сравнения показателей, можно сделать вывод о том, что «клубные» механизмы, в первую очередь, способствуют совместному решению проблем своих участников, в то время как потенциал дальнейшей трансляции антикризисных и трансформационных импульсов на акторов мирового хозяйства, находящихся за пределами объединений, – умеренный и в целом совпадает с ареалом воздействия стран «Группы семи»

Таблица 7

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в населении мира, %

Группа стран	С учетом всех макрорегионов				С учетом макрорегионов, преодолевших порог связанности			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	35,97	34,83	33,67	32,48	32,16	31,16	30,11	29,08
Группа двадцати	85,08	84,30	83,35	82,29	40,72	39,78	38,70	37,68
БРИКС	59,28	58,64	57,79	56,93	24,02	23,23	22,39	21,57

Table 7. Dynamics of the Group of Seven, the Group of Twenty and BRICS in the World's Population, %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка

(World DataBank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>), с учетом пропусков данных по отдельным странам

Таблица 8

Динамика «Группы семи», «Группы двадцати» и БРИКС в мировом ВВП (по ППС), %

Группа стран	С учетом всех макрорегионов				С учетом макрорегионов, преодолевших порог связанности			
	2000	2005	2010	2015	2000	2005	2010	2015
Группа семи	61,07	59,35	56,55	55,73	49,77	48,88	47,50	47,93
Группа двадцати	93,80	93,43	93,10	91,35	55,28	54,65	53,58	54,46
БРИКС	35,21	38,06	42,85	43,66	16,65	18,25	21,07	23,48

Table 8. Dynamics of the G7, G20 and BRICS in global GDP (PPP), %

Источник: расчеты авторов по данным Всемирного банка

(World DataBank. Режим доступа: <http://data.worldbank.org/>), с учетом пропусков данных по отдельным странам

Заслуживает внимания и второй ряд макрорегионов, уровень консолидированности которых составляет 15-25% и включает в себя: в «Группе семи» – Южную Европу (представитель – Италия), Северную Европу (представитель – Соединенное Королевство); в «Группе двадцати»: Южную Африку (представитель – ЮАР), Южную Америку (представители – Аргентина и Бразилия), Восточную Европу (представитель – Россия), – Южную Европу, Северную Европу; в БРИКС уже упоминавшихся ранее – Юж-

ную Африку, Южную Америку, Восточную Европу.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, демографическая репрезентативность многосторонних институтов высшего уровня как самих участников, так и макрорегионов их принадлежности демонстрирует в анализируемый период тенденцию к небольшому сокращению. Экономический потенциал участников и макрорегионов в мировой экономике демонстрирует разнонаправленные

тенденции: роль «Группы семи» сокращается, роль БРИКС растет, «Группы двадцати» – относительно устойчива. Исключение составляет Южная Европа – референсный макрорегион для Группы семи» и «Группы двадцати» – степень консолидированности которой ниже 25%, что, по мнению авторов, коррелирует с наличием и трудностью преодоления финансово-экономических проблем странами, входящими в ее состав: Италией, Испанией, Грецией и пр. Во-вторых, потенциалом лучшей реализации общих экономических проектов и инициатив обладают «Группа семи» и «Группа двадцати», чей уровень консолидированности (объем взаимной торговли) высок. Как показали расчеты, БРИКС для достижения подобного уровня требуется трехкратное увеличение объемов межстрановой торговли. В-третьих, анализ экономической «плотности» (*connectivity*) макрорегионов принадлежности стран-участниц ведущих неформализованных объединений мира показал для большинства из них низкий общий уровень эффективного потенциала реализации совместных проектов.

Таким образом, по мнению авторов, проявилась «клубная» природа многосторонних институтов высшего уровня, которая обеспечивает лучшее совместное решение проблем инсайдеров, а не аутсайдеров. В-четвертых, наблюдается практически полное совпадение макрорегионов, обладающих потенциалом эффективных реципиентов импульсов системы глобального управления, в «Группе семи» и «Группе двадцати». Это может являться следствием того, что макрорегионы Глобального Юга в целом менее консолидированы, например, по причине сырьевой специализации или участия в глобальных цепочках создания стоимости, ориентированных на страны (прежде всего, Запада), находящиеся за пределами рассматриваемых субрегионов. Показательна в этом случае высокая консолидированность Юго-Восточной Азии, включающей в себя Бруней-Даруссалам, Индонезию (региональный лидер макрорегиона), Камбоджу, Лаосскую Народно-Демократическую Республику (ЛНДР), Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур,

Таиланд, Восточный Тимор, Вьетнам, большинство из которых входят в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – одно из наиболее давно существующих интеграционных объединений в Азии. Кроме того, в данный макрорегион входит ряд развивающихся государств первого (Сингапур) и второго (Малайзия, Таиланд) поколения, что говорит о прогрессивности, эффективности и привлекательности региональной модели развития. В-пятых, несмотря на то, что группа БРИКС обладает наименьшим потенциалом эффективной реализации совместных инициатив из-за того, что уровень консолидированности участников составляет менее 10%, и только КНР и ее специальные административные районы принадлежит к экономически связанному региону – Восточной Азии; Бразилия, Россия и ЮАР в определенном смысле «организуют вокруг себя» перспективные регионы с уровнем связности более 15%. Показательно, что макрорегион Восточная Европа обладает большей консолидированностью, чем Евразийский экономический союз (ЕАЭС), уровень связности которого составляла 9,82% в 2015 г.³², что говорит о необходимости совершенствования стратегии РФ в направлении привлечения новых участников в продвигаемые интеграционные проекты. Кроме того, на этом фоне еще более обоснованными и уместными выглядят успехи валютно-финансового, а не торгового взаимодействия стран БРИКС.

Данное исследование ставит ряд вопросов об уместности использования в качестве методологического подхода к анализу многосторонних институтов высшего уровня и макрорегионов принадлежности их участников двухуровневой оценки экономической связности. Представляется, что несмотря на то, что, во-первых, межгосударственные неформализованные институты трансрегиональны по своей природе, а, во-вторых, оценка уровня консолидированности проводится только на основе анализа торговых потоков, данное исследование расширяет систему научных представлений об устой-

³² Расчеты авторов по базе данных торговой статистики ООН. UN Comtrade Database. Режим доступа: <https://comtrade.un.org/>

чивости и перспективах функционирования данных образований. Добавление нового направления участия многосторонних институтов высшего уровня в существующей системе глобального управления – способности их воздействия на не участвующие в них страны – к трем, ранее выявленным: «каталитическому воздействию», «определяющему влиянию» и «параллельному управлению» – также представляется заслуживающим дальнейшего изучения, так как данное исследование позволило указать на уязвимые места рассмотренных многосторонних институтов высшего уровня в контексте их репрезентативности и потенциала трансляции управляющего воздействия на остальной мир.

Выводы

В исследовании проведен сравнительный анализ некоторых аспектов репрезентативности многосторонних институтов высшего уровня: «Группы семи», «Группы двадцати», БРИКС. Исследование, в целом, подтвердило обоснованность расширения количества и круга участников подобных инициатив за счет представителей развивающегося мира на фоне падения роли ведущих стран Запада в мировом хозяйстве и населении мира. На первый взгляд, формирование «Группы двадцати» представляется более оправданным и перспективным, чем создание БРИКС, из-за большего удельного веса в мировом хозяйстве и высокого уровня общего консолидированности (экономической связности), что позволяет осуществлять глобальное экономическое проектирование и продвигать антикризисные проекты большому количеству стран. Однако, при оценке консолидированности на уровне макрорегионов принадлежности ведущих стран мира, входящих в рассматриваемые многосторонние неформализованные группировки, выявлено, что большая часть высоко консолидированных референтных макрорегионов «Группы семи» и «Группы двадцати» совпадает (дополнительным консолидированным регионом «Группы двадцати» является только Юго-Восточная Азия). Таким образом, с точки зрения трансляции управляющих им-

пульсов глобального управления с высшего уровня на мегарегиональный не существует принципиальных различий между «Группой семи» и «Группой двадцати», несмотря на то, что потенциал воздействия последней с учетом макрорегионов охватывает более 80% населения земного шара и 90% мирового хозяйства. Это связано с тем, что развивающиеся страны, находящиеся в макрорегионах, отличающих «Группу двадцати» от «Группы семи», являются традиционно менее открытыми в торговом отношении, чем развитые страны, что в рамках данного исследования может означать недооценку потенциала их развивающего регионализма – эффективной реализации общего пути – из-за особенностей применяемого показателя. Таким образом, представляется необходимым поиск дополнительных параметров оценки потенциальной эффективности регионального взаимодействия, например, связанных с динамикой развития социально-экономических систем или инвестиционным процессом.

Литература:

- Астахов Е.М.* БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 42-50.
- Виноградов А.В.* Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 47-52.
- Воскресенский А.Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 2 (8). – С. 30-58.
- Гиакаглини Ф.Д. В.* Перспективы развития БРИКС после саммита в Форталезе: политико-экономическое положение стран-участниц // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 46. – С. 226-258.
- Зевин Л.З.* Мегарегионы в глобализирующемся хозяйстве // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. № 8. – С. 26-33.
- Колдунова Е.В.* Роль стран БРИКС в глобальном управлении // Сравнительная политика. – 2014. – Т. 5. № 1 (14). – С. 60-64.
- Ларионова М.В.* Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. № 1. – С. 126-152.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Шелепов А.В.* Что влияет на исполнение обязательств «Группы двадцати» и БРИКС: сравнительный анализ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. № 3. – С. 99-131.

Лексютина Я.В. Роль БРИКС в стимулировании парадигмального сдвига в глобальном экономическом управлении // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10. № 1. – С. 113-125.

Панова В.В. О пользе «клубных механизмов»: Группа семи и БРИКС в сравнительной перспективе // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. № 29. – С. 101-109.

Ревизорский М. «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении? // Вестник международных организаций. – 2015. – Т. 10 (4). – С. 29-48.

Сидорова Е.А. Интеграционно-инвестиционный потенциал БРИКС // Мир экономики и управления. – 2016. – Т. 16. № 2. – С. 111-122.

Син Л. Усиление роли G20: трансформация мирового порядка и внешняя политика Китая // Сравнительная политика. – 2012. – Т. 3. № 1 (7). – С. 23-27.

Толорая Г.Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. № 2. – С. 97-112.

Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительное региональной перспективы // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2. № 4 (6). – С. 109-123.

Чуков Р.С. Перспективы глобальной институционализации в мировой политике: пример G7 и G20 // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5. – С. 21-25.

Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICS // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp.143-156.

Cheng, J.Y.S. China's Approach to BRICS // *Journal of Contemporary China*, 2015, Vol.24 (92), pp. 357-375.

Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

Frieden, J.A. Macroeconomic Rebalancing in China and the G20 // *China & World Economy*, 2016, Vol. 24 (4), pp. 15-33.

Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

Kirton, J. Canadian Foreign Policy in a Changing World. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, No. 36:1, pp. 1-21.

Radulescu, I.G.; Panaita, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches', ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol.10, Iss.2, pp. 138-162.

Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? Procedia Economics and Finance 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol.29, Iss.1, pp. 1-24.

Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

References:

Astahov, E.M. BRICS: perspektivy razvitiya (BRICS: Developmental Prospects) // *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2016, No. 1 (46), pp. 42-50.

Bénassy-Quéré, A.; Kumar, R.; Pisani-Ferry, J. The G20 is not Just a G7 with Extra Chairs, La Lettre du CEPII, CEPII Research Center, 2009, Iss. 292.

Cheng, H.F.; Gutierrez, M.; Mahajan, A.; Shachmurove, Y.; Sharokhi, M. A Future Global Economy to be Built by BRICS // *Global Finance Journal*, 2007, Vol. 18, pp. 143-156.

Cheng, J.Y.S. China's Approach to BRICS // *Journal of Contemporary China*, 2015, Vol.24 (92), pp. 357-375.

Chukov, R.S. Perspektivy global'noj institucionalizacii v mirovoj politike: primer G7 i G20 (Prospects for the Global Institutionalization of World Politics: the Example of the G7 and the G20) // *Nauchnoe obozrenie. Serija 2: Gumanitarnye nauki*, 2015, No. 5, pp. 21-25.

Engelbrekt, K. Mission Creep? The Nontraditional Security Agenda of the G7/8 and the Nascent Role of the G-20 // *Global Governance*, 2015, Vol. 21 (4), pp. 537-556.

Frieden, J.A. Macroeconomic Rebalancing in China and the G20 // *China & World Economy*, 2016, Vol. 24 (4), pp. 15-33.

Giakaglini, F.D.V. Perspektivy razvitiya BRIKS posle sammita v Fortaleze: politiko-jekonomicheskoe polozhenie stran-uchastnic (Prospects for the Development after the BRICS Fortaleza's Summit: Political and Economic Situation in the Member Countries) // *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj Vestnik*, 2014, No. 46, pp. 226-258.

Jacobs, L.M.; Van Rossem, R. The BRIC Phantom: A Comparative Analysis of the BRICs as a Category of Rising Powers // *Journal of Policy Modeling*, 2014, Vol. 37, pp.47-66.

Kirton, J. Canadian Foreign Policy in a Changing World. Thompson Nelson, 2007. 562 p.

Koldunova, E.V. Rol' stran BRIKS v global'nom upravlenii (The Role of the BRICS in the Global Governance) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. No. 1 (14), pp. 60-64.

Larionova M.V. Ocenka jeffektivnosti vzaimodejstviya mezhdunarodnyh institutov v processe global'nogo upravlenija (Evaluation of the Efficiency of Interaction of International Institutions in the Process of Global Governance) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (1), pp. 126-152.

Larionova, M.V.; Rahmangulov, M.R.; Shelepov, A.V. Chto vlijaet na ispolnenie objazatel'stv «Gruppy dvadcati» i BRIKS: sravnitel'nyj analiz (What Affects the Performance Obligations taken by "Group of Twenty" and the BRICS: A Comparative Analysis) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (3), pp. 99-131.

Leksjutina, Ja.V. Rol' BRIKS v stimulirovanii paradigmat'nogo sdviga v global'nom jekonomicheskom upravlenii (The Role of the BRICS in Stimulating the Paradigm Shift in Global Economic Governance) // *Politicheskaja jekspertiza: POLITEKS*, 2014, Vol. 10 (1), pp. 113-125.

Mielniczuk, F. BRICS in the Contemporary World: Changing Identities, Converging Interests // *Third World Quarterly*, 2013, No. 34, pp. 6, 1075-1090.

Panova, V.V. O pol'ze «klubnyh mehanizmov»: Grupa semi i BRIKS v sravnitel'noj perspektive (The Benefits of "Club Arrangements": The Group of Seven and the BRICS in a Comparative Perspective) // *Mezhdunarodnye processy*, 2012, Vol. 10 (29), pp. 101-109.

Radulescu, I.G.; Panaia, M.; Voicab, C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / Procedia Economics and Finance 1st International Conference 'Economic Scientific Research – Theoretical, Empirical and Practical Approaches', ESPERA, 2014, Vol. 8, pp. 605-613.

Revizorskiy, M. «Gruppa semi vos'mi» – «Gruppa dvadcati» – BRIKS: novaja triada v global'nom upravlenii? ("Group of Seven / Eight" – "Group of Twenty" – the BRICS: New Triad in Global Governance?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2015, Vol. 10 (4), pp. 29-48.

Robinson, W. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, No. 36:1, pp 1-21.

Robinson, W.I. The Transnational State and the BRICS: a Global Capitalism Perspective // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (1), pp. 1-21.

Sidorova, E.A. Integracionno-investicionnyj potencial BRIKS (The BRICS Integration and Investment Potential) // *Mir jekonomiki i upravlenija*, 2016, Vol. 16 (2), pp. 111-122.

Sin, L. Usilenie roli G20: transformacija mirovogo porjadka i vneshnjaja politika Kitaja (Strengthening the Role of the G20: The Transformation of the World Order and China's Foreign Policy) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 1 (7), pp. 23-27.

Sloan, J. The Strategy of Developmental Regionalism: Benefits, Distribution, Obstacles, and Capabilities // *Journal of Common Market Studies*, 1971, Vol.10, Iss.2, pp. 138-162.

Stuenkel, O. The G7 and BRICS in the Post-Crimea World Order // *Russia in Global Affairs*, 2015, Vol. 13, No. 2, pp. 128-138.

Teker, S.; Yuksel, A.H. G20: On Behalf of the Rest? Procedia Economics and Finance 38 – Istanbul Conference of Economics and Finance, ICEF 2015, 22-23 October 2015, Istanbul, Turkey, pp. 219-223.

Thakur, R. How Representative are BRICS? // *Third World Quarterly*, 2014, No. 35, pp. 1791-1808.

Toloraja, G.D.; Chukov, R.S. Rasschityvat' li na BRIKS? (Should We Trust in the BRICS?) // *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika*, 2016, Vol. 11 (2), pp. 97-112.

Trivedi, R. Netradicionnye ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii s tochki zrenija sravnitel'noe regional'noj perspektivy (Non-traditional Security Threats in Central Asia from the Point of View of a Comparative Regional Perspective) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 2. No. 4 (6), pp. 109-123.

Vines, D. Cooperation between Countries to Ensure Global Economic Growth: a Role for the G20? // *Asian-Pacific Economic Literature*, 2015, Vol.29, Iss.1, pp. 1-24.

Vinogradov, A.V. Dialogovyy format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira (The Interactive Format of BRICS and its Role in the Multipolar World Formation) // *Comparative Politics Russia*, 2014, Vol. 5. № 1 (14), pp. 47-52.

Voskressenski, A.D. Konceptii regionalizacii, regional'nyh podsystem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Systems and Regional Transformations in Contemporary International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, Vol. 3. No. 2 (8), pp. 30-58.

Wilson, J.D. Resource Powers? Minerals, Energy and the Rise of the BRICS // *Third World Quarterly*, 2015, Vol. 36 (2), pp. 223-239.

Zevin, L.Z. Megaregiony v globalizirujushemsja hozjajstve (Mega-regions in a Globalized Economy) // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2016, Vol. 60 (8), pp. 26-33.

INFORMAL INSTITUTIONS OF GLOBAL GOVERNANCE: THE REPRESENTATIVENESS AND POTENTIAL FOR IMPACT

Mariia L. Gorbunova

*National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod,
Nizhniy Novgorod, Russia*

Mikhail L. Gorbunov

*Volga-Vyatka Branch of the Bank of Russia,
Nizhniy Novgorod, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21.01.2018</p> <p><i>Sent for Editing:</i> 24.09.2018</p> <p><i>Accepted:</i> 05.11.2018</p>	<p>Abstract: The purpose of the study is to compare the role of the G7, the G20 and BRICS in the global governance system on the basis of an assessment of the representativeness and potential impact of these informal associations on the rest of the world on the basis of a comparative analysis of a number of socio-economic indicators of participating countries. The relevance of the research is related to the fact that these institutions represent a certain counterbalance to the leading formal universal international organizations, functioning on a permanent basis, primarily the UN. Based on a two-tier economic consolidation assessment of considered multilateral institutions participants and their respective macro-regions, the authors came to the following conclusions: the «Group of Seven» and «Group of Twenty» have a higher potential for implementation of joint economic projects and initiatives because of a higher level of their economic consolidation based on bilateral trade; the analysis of economic connectivity of macro-regions the countries participating at global leading informal associations belong to showed a low level of effective potential for joint projects realization for most of them. It means that the multilateral institutions of highest level are capable to provide better common coordinated solutions to the problems of insiders, and not those of outsiders; the G7 members consolidate four of the five macroregions to which they belong, while among thirteen macroregions G20 members belongs to there is only one additional consolidated entity which is Southeast Asia. Thus, a threefold increase in the number of the G20 participants does not enlarge the effective geography of the G20 impact on the rest of the world; even though the BRICS group has the reduced potential for effective implementation of joint participant initiatives because of low level of consolidation union members lesser than 10%, and only China belongs to the economically connected macro-region - East Asia; Brazil, Russia and South Africa are included in the potentially prospective regions with a level of connectivity more than 15%.</p>
<p>About the authors:</p> <p>Mariia L. Gorbunova, Dr. of Economy, Associate Professor, Head of the Department for World Economy and Regional Markets, the Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod</p> <p>e-mail: gorbunova@iee.unn.ru</p> <p>Mikhail L. Gorbunov, Deputy Head, the Accounting and Operating System Support Department, ICC of the Volga-Vyatka Branch of the Bank of Russia</p> <p>e-mail: 22gorbunovml@cbr.ru</p>	
<p>Key words: high-level multilateral institutions; BRICS; the Group of Seven; the Group of Twenty; macro-economic consolidation</p>	

Для цитирования: Горбунова М.Л., Горбунов М.Л. Неформализованные межгосударственные институты глобального управления: репрезентативность и потенциал воздействия // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 5-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10001

For citation: Gorbunova, Mariia L.; Gorbunov, Mikhail L. Neformalizovannye mezhgosudarstvennyye instituty globalnogo upravleniia: reprezentativnost i potentsial vozdeistviia (Informal Institutions of Global Governance: the Representativeness and Potential for Impact) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 5-22.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10001